ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

А.В. Бакунцев, кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: auctor@list.ru

ЛЕКЦИЯ И. А. БУНИНА «ВЕЛИКИЙ ДУРМАН» В ОТЗЫВАХ ОДЕССКОЙ ПРЕССЫ

Автор статьи вводит в научный оборот новые факты, связанные с лекцией И.А. Бунина «Великий дурман» (1919). Эта лекция является одним из наименее изученных произведений писателя, созданных в годы Гражданской войны. Статья основана на материалах, опубликованных в периодической печати Одессы в сентябре—октябре 1919 г.

Ключевые слова: *И.А. Бунин, лекция, «Великий дурман», революция, пресса.*

The author of the article introduces new facts connected with I.A. Bunin's lecture "Great Intoxication" (1919) into scientific use. This lecture is one of the least learnt works of the writer which he wrote during the Civil war. The article is based on the materials published in Odessa periodical press in September — October 1919.

Key words: *I.A. Bunin, the lecture, "Great Intoxication", the revolution, the press.*

Лекция «Великий дурман» явилась одним из первых публицистических произведений И.А. Бунина о «великой русской революции».

Писатель выступал с этой лекцией дважды — 8 (21) сентября и 20 сентября (3 октября) 1919 г. в Большой химической аудитории Новороссийского университета в Одессе. Оба раза аудитория была переполнена.

По свидетельству В.Н. Муромцевой-Буниной, во время первого чтения писатель «так увлекся, что забыл сделать перерыв, и так овладел вниманием публики, что 3 часа его слушали, и ни один слушатель не покинул зала»[1].

Публика была ошеломлена. Писатель, которого многие по-прежнему считали «холодным парнасцем», со стороны наблюдающим действительность и бесстрастно фиксирующим ее в своих безупречных по форме произведениях, оказался ярким, что называется прирожденным, публицистом — не только страстным, но и откровенно пристрастным.

Своей лекцией Бунин открыто заявил о себе как о приверженце «белой идеи». Так, он говорил о том, что любая революция, какими бы прекрасными ни были ее цели, — это всегда зло, разрушение,

[1] Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Сост. М. Грин; предисл. Ю. Мальцева. М., 2004. Т. 1. С. 258—259.

насилие над человеческой личностью, и большевизм с его бешеной нетерпимостью к политическим противникам и «чрезвычайками» — логическое продолжение «великой русской революции»; что так называемый «революционный народ» — это темная, невежественная, бессознательная масса, живущая той полудикой, первобытной, чуть ли не звериной жизнью, какой русский мужик жил еще во времена Ивана Грозного, поэтому доверять народу управление государством по меньшей мере безответственно; что ничего нового в «великой русской революции» нет, она — всего лишь очередной «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», очередное повторение того, что уже не раз было на Русской земле во времена Стеньки Разина, Богдана Хмельницкого и Емельки Пугачева, и большевистские вожди не только ничем не лучше, но гораздо хуже этих «великих» смутьянов; что ответственность за происходящее в России в первую очередь лежит на русской интеллигенции, которая не знала и не хотела знать собственный народ, но при этом всячески его превозносила и идеализировала, причем русская литература второй половины XIX — начала XX века усиленно ей в этом помогала; что не следует снимать ответственность и с русского народа, который, совершив за годы революции множество чудовищных злодеяний, наверняка не преминет оправдаться тем, что его на это «подбили» инородцы; что, вопреки протестам левой интеллигенции, вмешательство иностранных держав во «внутренние дела» России, изнывающей от кровавой «нелепицы», жизненно необходимо.

«Когда он кончил, то все встали и долго, стоя, хлопали ему. Все были очень взволнованы. <...> И многие, многие подходили и говорили какие-то слова...»[2].

Особенно восхищался «Великим дурманом» византинист-искусствовед академик Н.П. Кондаков, с которым спустя некоторое время Бунин начал редактировать газету «Южное слово»[3]. Свое

[2] Там же. С. 259.

[3] Газета «Южное слово» была основана как официальное издание Добровольческой армии в августе 1919 г., сразу после освобождения Одессы от большевиков. Во главе редакции встал академик Д. Н. Овсянико-Куликовский. «Газета затевалась на очень широкую ногу, — вспоминал впоследствии один из ее бывших сотрудников, ученый-латинист и театральный критик Б.В. Варнеке, — по типу “Русского слова”, с приглашением целой армии сотрудников и крупных литературных имен вроде И.А. Бунина, А.М. Федорова, Т.Л. Щепкиной-Куперник, Тэффи и т.п.» (*Варнеке Б.В.* Материалы для биографии Н.П. Кондакова / Публ. И.В. Тункиной // Диаспора. 2002. Вып. 4. С. 100). Однако после того как в результате раскола внутри редакции «Южного слова» в октябре 1919 г. из газеты ушла часть ее сотрудников во главе с Овсянико-Куликовским, формально функции главного редактора перешли к издателю газеты Н. К. Клименко (литературный псевдоним Иретов). Но фактически изданием руководили Бунин и Кондаков. «Ян согласился взять на себя редакторство только потому, — писала в своем дневнике 8 (21) октября

восхищение бунинской лекцией Кондаков в разговоре с Муромцевой-Буниной выразил весьма экспрессивно: «Ив<ан> Ал<ексеевич> — выше всех писателей, сударыня, это такая смелость, это такая правда! Это замечательно! Это исторический день!»[4].

На втором чтении, как отметила в своем дневнике Муромцева-Бунина, «публики было еще больше. Не все желающие попали. Слушали опять очень хорошо. Ян читал лучше, чем в прошлый раз, с большим подъемом»[5].

* * *

«Великий дурман» вызвал оживленные отклики в одесской прессе, которая по своему составу и политическим воззрениям была весьма разнородной. Согласно данным советских библиографов, после восстановления в Одессе власти Добровольческой армии, с 10 (23) августа 1919 г. по 26 января (8 февраля) 1920 г., в городе издавалось 52 газеты и 28 журналов на русском, украинском, английском, французском, немецком, польском языках, а также на идиш и иврите[6]. Политический спектр этих изданий был очень широк: от монархических, праворадикальных, националистических, «черных», как газета «Южная Русь», до социалистических, эсеровских, право- и левоменьшевистских, «розовых», как «Рабочее слово». Разумеется, о легальной большевистской печати в «белой» Одессе речи быть не могло.

Муромцева-Бунина, — что если бы он отказался, газета стала бы влачить жалкое существование, попала бы она в руки правых или же была бы под ферулой Клименко. За Яном вошел Кондаков, согласились участвовать Кипен, Шмелев, Тренев, Ценский, остался Федоров...» (Устами Буниных. Т. 1. С. 261). С № 36 за 3 (16) октября 1919 г. «Южное слово» стало выходить с крупным подзаголовком: «При ближайшем участии академика И.А. Бунина и академика Н.П. Кондакова». Газета «Одесские новости» усмотрела в этом повод для зубоскальства и в одном из своих номеров в рубрике «Газетный день», которую вел острослов-полемист П.С. Юшкевич, напечатала едкую реплику под названием «Академическая газета»: «Выходящее при ближайшем участии двух академиков “Южн<ое> слово” приобрело такой академический и ученый характер, что к статьям его просто боязно подходить на близкое расстояние: не статьи, а какое-то сонное наваждение. И темы все животрепещущие: “Политика и культура”, “Русская осень и крымская таможенная политика” и т.д. Чтоб ослабить крепость академического духа, газету разбавляют иногда водой легкого фельетона или беллетристики. Но это мало помогает делу. Газета скучна, ах, как скучна!» (Одесские новости. 1919. 31 окт. № 11032. С. 2). Примерно в том же духе — но уже в стихах — о «Южном слове» отзывалось другое одесское издание — юмористическая газета «Перо в спину»: «Каждый день — ученый раж, // Ряд имен святых и славных, // Каждый день легко и плавно // Уменьшается тираж» (Перо в спину. 1919. № 14. С. 2). Однако, по свидетельству Б.В. Варнеке, газета Бунина и Кондакова «делала прекрасные дела и очень скоро стала окупаться» (*Варнеке Б.В.* Указ. соч. С. 109).

[4] Устами Буниных. Т. 1. С. 259.

[5] Там же.

[6] См.: Одеська періодична преса, років революції та громадянської війни. 1917—1921 / За ред. проф. С.Л. Рубинштейна. Одеса, 1929. С. XXVIII—XXX.

Естественно, что при столь широком диапазоне политических взглядов, которых придерживались одесские издания, они совершенно по-разному отнеслись к бунинской лекции. Одни приняли ее безусловно, другие — с оговорками, третьи не приняли вовсе, обвинив автора в неправильном восприятии революции и в барском пренебрежении к русскому народу.

Наиболее дружелюбный отзыв (по существу, отчет) о «Великом дурмане» поместило на своих страницах «Южное слово». Автор этого материала, некто А. Иванов, в нескольких абзацах пересказал содержание бунинской лекции и напоследок отметил: «К сожалению, в краткой газетной заметке мы лишены возможности воспроизвести многочисленные картины нашего революционного быта, выхваченные из самой жизни и зарисованные И.А. Буниным с чрезвычайной, быть может, ему одному свойственной, яркостью и колоритностью. <...>

Вскрывая, как беспощадный хирург, отрицательные свойства российского демоса и интеллигенции, лектор почти не касался отличительных свойств, коими наделены другие классы, и лишь сказал: “Я не меньше других искал и ищу царство Божие на земле, не меньше их знаю жестокий и страшный мир ‘господ из Сан-Франциско’, но я знаю и то, что все на этой злой и жалкой земле познается, увы, по сравнению, знаю, что невозможное есть невозможное, что бывает такое время, когда хоть на время надо умолкать о нем, об этом невозможном, и что мужик, бивший при мне в московском зоологическом саду сапогом лебедя, еще плохой социалист. Древняя дикарская легенда говорит, что блеск звезды, в которую переходит наша душа, состоит из блеска глаз съеденных нами людей. И я знаю, что, увы, ‘не прошла’ еще древняя земля, а тем паче — ‘древняя Русь’!”»[7].

Не менее благожелательно высказалась о «Великом дурмане» «национально-прогрессивная» газета «Единая Русь», которую левые издания Одессы без конца упрекали в национализме и антисемитизме. Избегая каких бы то ни было комментариев, газета тем не менее дала своим читателям понять, что безоговорочно разделяет мнение Бунина о характере «великой русской революции» и о роли в ней российской интеллигенции и народа. В частности, «Единая Русь» писала: «И. Бунин, автор знаменитых деревенских картин, в которых предвидел физиономию будущих строителей революции, имел возможность на своей лекции вдоволь отомстить за те нападки, которые делались в свое время критикой при выпуске им своих бытописаний о деревне.

В целом ряде мучительных иллюстраций Бунин нарисовал мрачную картину жестокого русского бунта, бессмысленного из-

[7] *Иванов А.* Великий дурман // Южное слово. 1919. 10 (23) сент. № 15. С. 3.

девательства над человеческим достоинством, над человеческой личностью. Великий Дурман, великий балаган — русская революция, и строитель этой революции — русский народ»[8].

* * *

Два во многом противоположных отзыва о «Великом дурмане» напечатал на своих страницах «Одесский листок» — газета, начавшая выходить еще во второй половине XIX в., а в годы революции и Гражданской войны ставшая «достоянием» партии кадетов. Один материал принадлежал перу критика Б.С. Вальбе, другой — общественного деятеля А.М. де Рибаса.

Вальбе отдал должное художественной силе и публицистической остроте «Великого дурмана» и назвал его «суровым до жестокости обвинительным актом против русского народа, против русской интеллигенции, горьким смехом над ее мечтаниями и идеалами»[9]. Однако в целом лекция Бунина не вызвала у критика сочувствия. В рецензии Вальбе не скрывал своего иронического отношения к «Великому дурману» и при этом намеренно упрощал и огрублял суждения писателя, отрицая их общественно-политическую значимость: «Бунин находит, что Русь Стеньки Разина, Емельки Пугачева, Хмельницкого и Гонтоя[10] еще жива в Руси Ленина и Троцкого. Тот же разгул и те же зверства. И, полемизируя с Троцким, Бунин говорит, что “цари и попы” знали лучше свой народ, они знали, что свобода страшнее для него пуще всего. Народу нужна опека. Но этого не знала интеллигенция, не только большевики, но и меньшевики и кадеты. <...>

Все уверовали в народ, и оттого вышел “великий дурман”, “нелепица”, и разбиты все наши идеалы и чаяния. И дальше в таком же духе. И это оттого, что давно уже умерла русская литература — что литература последних <лет>, невежественная, безграмотная, не зная народа, она сочиняла разные басни о нем. И Бунин обрушивается на Блока, Горького, Серафимовича и др. за их веру в слова и духовную слепоту. И молитвенной верой в то, что ”великий дурман” пройдет, что все поймут свои ошибки, и, припоминая “розовые мечты” первых дней, Бунин говорит: — я не меньше этих дервишей ищу царствия Божия на земле, мне не менее тяжело в мире... “Господин из Сан-Франциско”, но...

---

[8] *Г.В.* «Великий дурман» (Лекция И. Бунина) // Единая Русь. 1919. 10 (23) сент. № 24. С. 4.

[9] *Вальбе Бор.* «Великий дурман» (Из лекции И.А. Бунина) // Одесский листок. 1919. 12 (25) сент. № 115. С. 4.

[10] *Гонтой* (правильно — Гонта) Иван (?—1768) — один из главных деятелей так называемой «Колиивщины», гайдамацкого восстания 1768 г. в Правобережной Малороссии. С именем Гонты связаны предания о жестоких расправах гайдамаков над польскими шляхтичами и евреями. Художественный образ Гонты создан Т. Г. Шевченко в поэме «Гайдамаки».

Бунин, конечно, не политик, не социолог, а только поэт и художник. Его образы проникнуты большой правдой, но их социологическое значение раскроет нам кто-то иной, во всяком случае не Бунин»[11].

Бунинским проклятиям в адрес «великой русской революции» Вальбе противопоставил «глубоко волнующие слова из “Дневника” А.И. Шингарева», которыми «мученик-депутат», несмотря на свои страдания в тюремном заключении, «благословляет революцию и проклинает старый порядок»[12]. Итог своим рассуждениям одесский критик подвел следующим образом: «Двумя правдами — правдой Шингарева и не меньшей правдой Бунина — встает пред нами наша трагическая современность. И только великий синтез будущего, очищенный от трагедии и мученичества настоящего, даст одну правду, правду вечного развития, радости жизни и ее достижений»[13].

В отличие от Вальбе де Рибас в своем «Фельетоне» о «Великом дурмане» целиком принял сторону писателя. Размышляя о причинах того «сильного, жуткого и одурманивающего впечатления», которое на слушателей произвела бунинская лекция, де Рибас писал: «С необыкновенною силою экспрессии, с поразительною яркостью образов, черта за чертою, тип за типом, лектор иллюстрировал перед захваченной аудиторией современное состояние русского, подлинного народа, из-под внешней оболочки которого на каждом шагу пробиваются, как сорная трава на ниве, дикие следы прежней, древней Руси. Та же темнота, та же звериность, та же безобразная удаль, та же бесчеловечная жестокость.

Факты за фактами, один ужаснее другого. И что производило наиболее тягостное впечатление в сообщении Бунина, это то, что все эти факты, так мастерски им подобранные, были нам всем хорошо известны. Мы все их пережили. Многие из нас испытали их на себе или на наших близких. Все это правда, все это правда...»[14].

Среди тех, кто откликнулся в печати на «Великий дурман», пожалуй, только де Рибас сумел выявить истинную подоплеку бунинских филиппик против русского народа и интеллигенции: «Бунин! Да ведь это и есть та самая русская интеллигенция, и не только русская интеллигенция, но и тот самый русский народ, со всеми чертами и новой, и древней Руси, которые он так жестоко охарактеризовал. Откуда почерпнул Бунин свой могучий талант, если не из русского народа, если не из той самой деревни, которую он описал так правдиво только потому, что сам из нее вышел? <...>

---

[11] *Вальбе Бор.* Указ. соч.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] *Рибас де А.* Фельетон. О второй лекции Бунина // Одесский листок. 1919. 25 сент. (8 окт.). № 127. С. 4.

Он бичует русский народ, но сам же его и любит. И больше всего он любит ту самую древнюю Русь, в которой видит столько отрицательных черт. Да кто, кроме русского писателя, станет говорить про свой народ столько жестокой правды? И кто будет говорить правду о том, чего он не любит? <...>

Тайна гнева Бунина в том, что он считает, по праву, русский народ своим. Он не хочет, чтобы его коверкали, чтобы говорили о нем ложь, чтобы над ним производились интернациональные эксперименты, чтобы его, темного, забитого, нуждающегося в ласке и силе, толкали преждевременно в революцию. К своему народу Бунин относится ревниво, любя его превыше всего другого. <...>

Отсюда вывод: Покуда есть у нас русские Бунины, нам не страшно за Россию»[15].

* * *

Поистине враждебно отнеслась к «Великому дурману» левая печать Одессы. Именно ее в первую очередь имел в виду Бунин, когда писал в «Южном слове» в ноябре 1919 г.: «В Одессе, после моей лекции о русской революции, после двух, трех моих статей в газете, начали дерзить мне, начали на меня злобствовать, умышленно искажать мои слова и даже приписывать мне то, что я никогда не говорил»[16].

Особенно неистовствовал по поводу «Великого дурмана» сотрудник меньшевистских газет «Одесские новости», «Рабочее слово» и «Грядущий день» П.С. Юшкевич, родной брат писателя С.С. Юшкевича, с которым у Бунина были весьма теплые, приятельские отношения. В пылу полемического задора П. Юшкевич писал: «Ущемленный какими-то неведомыми фармацевтами еще много лет назад и заговоривший вдруг тоном пророка Бунин действительно “упрямо твердил” о своем знании народа как единственно правильном, забыв и чеховские образы мужиков, и замечательные наблюдения Гарина-Михайловского (относящиеся к началу 80-х годов), и недооценив изумительное творчество Г. Успенского, в котором собственно дано — и с каким мастерством и силой, с какой широтой охвата! — все то, что развивал потом на новом матерьяле Бунин, но в котором сказано о мужике и многое такое, чего нет в <рез>ком, сухом, насквозь желчном бытописании Бунина»[17].

Наибольшее раздражение у журналиста вызвали бунинские нападки на русскую интеллигенцию: «Не добрая или злая воля интеллигенции и не ее нежелание слушаться Бунина повинны в том,

[15] Там же.

[16] *Бунин Ив.* Заметки // Южное слово. 1919. 8 (21) нояб. № 67. С. 1.

[17] *Юшкевич П.* Революция перед судом художника (Из лекции Бунина) // Грядущий день. 1919. 23 сент. № 4. С. 3.

что “случилось то, что должно было случиться”[18]. Самодержавие было беременно революцией, и последняя была не предотвратима. И если бы публицист Бунин был меньше занят мыслями о правоте Бунина — бытописателя деревни, и если бы, оставив цитаты из Олеариев[19], Крижаничей[20] и других авторов о порочности русского народа, он постарался серьезнее разобраться в происшедшем, то он не ограничился бы нанизыванием фактов тупости, дикости и

[18] Слова Бунина из «Великого дурмана».

[19] *Олеарий* (Olearius — латинизированный вариант немецкой фамилии Ölschläger) Адам (1603—1671), немецкий ученый и путешественник. Посетил Россию в 1633—1634 гг. и в 1635—1639 гг. в составе шлезвиг-голштинского посольства (второй раз — проездом, по дороге в Персию). В 1647 г. выпустил первое издание своего «Путешествия в Московию и обратно». Мнение Олеария о русских людях, весьма обстоятельно изложенное в главе «О природе русских, их душевных качествах и нравах», было в целом отрицательным. Признавая смышленость и порой исключительную храбрость русских, он в то же время считал их грубыми, невежественными, неряшливыми, хитрыми, расчетливыми, корыстолюбивыми, развращенными, тщеславными, косными, безразличными к собственному прошлому, вздорными, подверженными всевозможным порокам и пьянству, обладающими рабской психологией. В России «Путешествие...» Олеария до Октября 1917 г. вышло в трех разных переводах на русский язык (См.: *Олеарий А.* О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (Третья книга «Путешествия» Олеария) / Пер. с нем. изд. 1656 г. А. Михайлова. Б.м., б.г. [СПб., 1861]; *Он же.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем Посольства Адамом Олеарием / Пер. с нем., предисл. П. Барсова. М., 1870; *Он же.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906). Бунин мог ознакомиться с любым из них.

[20] *Крижанич* Юрий (ок. 1618—1683), хорватский ученый-энциклопедист, писатель, философ, богослов, историк, лингвист-полиглот, этнограф, публицист, священник-миссионер. Выступал за унию католической и православной церквей и за единение славянских народов. Считается основоположником «панславизма» и сравнительного славянского языкознания. Главную роль в осуществлении идеи «славянского единства» Крижанич отводил России, где находился в 1659—1676 гг. при дворе Алексея Михайловича. В 1661 г. по ложному доносу он был отправлен в ссылку в Тобольск и, находясь там в течение 16 лет, написал ряд трактатов, в том числе «Разговоры о владетельстве» (или «Политику»). В России творчество Ю. Крижанича было хорошо известно. Его сочинения (как в оригинале, так и в переводе на русский язык) издавались с первой четверти XIX в. Пик научного интереса к Крижаничу пришелся на рубеж XIX—XX вв.: в этот период вышло множество посвященных ему статей и монографий. Не исключено, что в своей лекции Бунин ссылался на «Разговоры о владетельстве», поскольку именно в этом произведении изложены взгляды хорватского ученого на достоинства и недостатки русского народа и системы управления в Российском государстве. Однако Бунин вряд ли сам читал «Разговоры о владетельстве»: дело в том, что первое (и при жизни писателя единственное) издание этой книги было осуществлено в составе 6-томного «Русского государства в половине XVII века» (М., 1859—1860) без перевода на русский язык («Разговоры о владетельстве» и ряд других трактатов были написаны на искусственном «словенском» языке, который Крижанич специально изобрел в целях развития своей теории «всеславянского единства»). Вероятнее всего, с содержанием «Разговоров» Бунин был знаком по костомаровской «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», в которой Крижаничу посвящена целая глава.

зверства, совершенных за эти годы колоссального переворота. Ведь это работа, которую может произвести любой мелкий хроникер, и она всегда будет потрясать красноречием живой жизни. Важно было бы разобраться, почему это он, Бунин, только и находит, что хулу на революцию, а вот значительная часть интеллигенции — "меньшевики всех мастей", как выражался одномастный в своей желчности лектор, — <хотя> и осуждая все ужасы революции, не произносит над ней обвинительного приговора»[21].

По мнению Юшкевича, если бы писатель «умел вдумчиво отнестись к совершившемуся, то он бы понял, что "меньшевики всех мастей" страдают не каким-то дефектом мысли, что в них говорит не фетишизм революции, а то основное завоевание исторической мысли XIX в., которое грубо можно выразить словами Гегеля о разумности всего действительного. В таком огромном, мирового значения, факте, как российская революция, должен быть свой "разум", свой смысл, и он, конечно, не откроется тому, кто, нарядившись в одеяние пророка, будет, однако, подходить к истории с пониманием и мерилом уголовного репортера...»[22]

В заключение, признавая, что в стихах и прозе Бунин сказал «очень много ценного», Юшкевич в то же время отмечал: «Бунин-художник — одно, а Бунин — публицистический обличитель революции — другое. И это другое — увы! — не высоко ставит его над уровнем обывательской массы, не говоря уже об уровне так легковесно оцениваемых им событий...»[23].

Гораздо сдержаннее высказалось о «Великом дурмане» социалистическое «Народное слово». По первым строкам в его отчете у читателя даже могло возникнуть впечатление, что газета сочувствует позиции Бунина: «Яркий, красочный язык, выпуклые, художественные образы, местами тонкий юмор, а моментами — высокий пафос — все заставляет слушателя без утомления сидеть в ужасающей духоте переполненной аудитории. Лектора слушают, ему аплодируют, а после лекции о ней много говорят»[24].

Однако окончательный вердикт газеты в отношении бунинской лекции очень напоминал то, что о ней и ее авторе писал П. Юшкевич: «Безобразная тоска, острая злоба, обывательская жестокость — вот что пробуждается в слушателе красивым словом лектора, но нет того, в чем мы больше всего нуждаемся, нет истинной бодрости, нет великой любви к родине, к родному народу, нет активной воли к творчеству новой жизни, нет свежего нового слова, которое могло

---

[21] *Юшкевич П.* Указ. соч.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] *Н.П. <Петринский Н.Н.>* «Великий дурман» (Лекция И.А. Бунина) // Народное слово. 1919. 23 сент. (6 окт.). № 8. С. 4.

бы стать лозунгом, могло бы дать ту веру, которая горами двигает. Лектор не видит и не указывает никакого выхода. Да, великий дурман охватил нас, но эта красочная лекция нисколько не рассеивает его. Кажется, что к прежнему дурману прибавился еще новый»[25].

«Радостной» альтернативой бунинскому «контрреволюционному» пессимизму, запечатленному в «Великом дурмане», газета противопоставила «огромные плакаты, пестрящие в вестибюле университета: “Да здравствует всероссийское учредительное собрание!”»[26].

* * *

Несомненно, Бунин был осведомлен о том, как одесская печать отозвалась на его лекцию. Однако только задиристая, провокационная рецензия П.С. Юшкевича задела его самолюбие. Писатель довольно едко ответил своему обидчику в «Заметках», напечатанных в «Южном слове» 20 октября (2 ноября) 1919 г.: «...Сколько, например, исписал бумаги какой-нибудь Павел Юшкевич, подсчитывая убиенных при погромах евреев, сколько этих уголовных дел зарегистрировал он, сколько сказал жестоких слов о зверстве русского народа, когда он громил евреев! А посмотрите, как, наряду с этим, издевается он надо мной по поводу моей лекции о русском народе и русской революции, как горячо заступается за этот же самый народ, как распекает, как поучает меня. “Суждения Бунина сухие, желчные”, — для этих господ вся сложность, вся острота наших великих мук есть только желчь! — “К революции, уважаемый академик Бунин, нельзя подходить с мерилом и пониманием *уголовного хроникера*”... “Гегель говорил о разумности всего действительного... в российской революции есть свой разум, свой смысл”, — и так далее, и так далее. О, многомудрый гегелианец, ведь и самое жестокое самодержавие и чума и холера может чудесно уложиться в Гегеле; утверждая, что есть разум и смысл в дроблении помещичьих, купеческих, офицерских черепов, можно, следуя логике, дойти до Бог знает каких выводов...»[27].

И потом еще дважды — в книге «Окаянные дни» (1925—1935) и в эссе «Гегель, фрак, метель» (1950) — Бунин возвращался к полемике с одесским журналистом, припоминая ему и Гегеля, и «уголовного хроникера», и «обывательщину»...

Что же касается самого «Великого дурмана», то он так никогда и не был опубликован в полном объеме. Вместо книги под таким названием, которую, согласно газетным объявлениям[28], должно

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] *Бунин Ив.* Заметки // Южное слово. 1919. 20 окт. (2 нояб.). № 51. С. 2.

[28] Южное слово. 1919. 27 сент. (10 окт.). № 31. С. 1; 28 сент. (11 окт.). № 32. С. 1; 3 (16) окт. № 36. С. 1; 4 (17) окт. № 37. С. 1; Единая Русь. 1919. 24 сент. (6 окт.). № 35. С. 1.

было выпустить одесское издательство на паях «Русская культура»[29], в печати появился небольшой цикл из четырех статей — или, как тогда говорили, «фельетонов», — под общим заглавием «Из “Великого дурмана”». Эти «фельетоны» были обнародованы в ноябре 1919 — январе 1920 г. в газетах «Южное слово» и «Родное слово»[30], а затем не раз — как правило, по отдельности — перепечатывались в разных эмигрантских и отечественных (преимущественно постсоветских) периодических и книжных изданиях[31].

На сегодня опубликованные фрагменты «Великого дурмана» являются единственными источниками текста бунинской лекции, так как ее рукопись бесследно исчезла. По крайней мере, среди автографов писателя, находящихся как в отечественных, так и в зарубежных архивохранилищах (включая Русский архив Лидсского университета), этой рукописи нет[32]. Возможно, она была утеряна

---

[29] «Вероятно, издание не осуществилось, — полагают авторы «Комментариев» к сборнику бунинской публицистики 1918—1953 гг., — так как вскоре Одесса была занята красными» (*Морозов С. Н., Николаева Д.Д., Трубилова Е.М.* Комментарии // Бунин И.А. Публицистика 1918—1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2000. С. 484). Однако нам эта гипотеза представляется не очень правдоподобной. До окончательного захвата Одессы большевиками в начале февраля 1920 г. у издательства было целых три месяца на то, чтобы выпустить «Великий дурман», тем более что его объем, как полагает одесский историк-краевед Г.Д. Зленко, не превышал двух листов (см.: Из творчества И.А. Бунина эпохи гражданской войны / Вступ. ст. и публ. Г.Д. Зленко // Филологические записки (Воронеж). 1995. Вып. 4. С. 24). В любом случае данный вопрос остается открытым. Добавим лишь, что наряду с «Великим дурманом» издательство готовило к выпуску еще две книги Бунина — два сборника: один прозаический (под заглавием «Двадцать рассказов»), другой стихотворный («Великая Русь»). Однако их постигла та же участь.

[30] См.: *Бунин Ив.* Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 17 (30) нояб. № 76. С. 2; 24 нояб. (7 дек.). № 82. С. 2; 30 нояб. (13 дек.). № 88. С. 2—3; Родное слово. 1920. 17 (30) янв. № 5. С. 2. Газета «Родное слово» стала издаваться сразу после прекращения «Южного слова» в январе 1920 г. В том и другом издании Бунин формально редактировал литературный отдел.

[31] Скорбь земли родной: Сб. статей 1919 г. Нью-Йорк, 1920. С. 44—50; *Бунин И.А.* Окаянные дни. Под серпом и молотом / Сост. Р. Тименчик. Рига, 1990. С. 115—121; *Он же.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Сост., вступ. ст., примеч. А.К. Бабореко. М., 1990. С. 339—343; *Он же.* Великий дурман: Из лекции, прочитанной в 1919 г. в Одессе // Литературная газета. 1991. 18 сент. С. 9; *Он же.* Окаянные дни: Неизвестный Бунин / Сост., вступ. ст., коммент. О.Н. Михайлова. М., 1991. С. 132—137; *Он же.* Великий дурман / Сост., вступ. ст., примеч. О. Б. Василевской. М., 1997. С. 33—38; *Он же.* Публицистика 1918—1953 годов. С. 45—63; *Он же.* Собр. соч.: В 8 т. М., 2000. Т. 8. С. 358—363; Бунин в «Южном слове» / Публ. Б. Липина // Звезда. 1993. № 9. С. 131—136; Из творчества И.А. Бунина эпохи гражданской войны. С. 22—33 и др. К сожалению, в этих републикациях содержится целый ряд искажений — главным образом технического характера, вызванных ошибками наборщиков, переписчиков или публикаторов. Безусловно, оставлять эти тексты в их нынешнем состоянии нельзя, требуется серьезная текстологическая работа, результатом которой должна стать новая републикация цикла «Из “Великого дурмана”», причем в том виде, в каком он был обнародован при жизни автора (разумеется, с учетом современных норм орфографии и пунктуации).

[32] См.: *Морозов С.Н., Николаева Д.Д., Трубилова Е.М.* Указ. соч. С. 484.

или уничтожена Буниным. Но нам представляется более вероятным, что Бунин как бы «растворил» ее в текстах других своих публицистических произведений, написанных уже в эмиграции. Например, таких, как статьи «Самогонка и шампанское» (1921), «Страна неограниченных возможностей» (1921), «Инония и Китеж» (1925), отдельные части «Записной книжки» (1920—1930), знаменитая речь «Миссия русской эмиграции» (1924), но главным образом — «Окаянные дни»...

* * *

Автор благодарит сотрудников Одесской национальной научной библиотеки имени М. Горького и Российской национальной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина за помощь, оказанную при подготовке этой статьи.

Поступила в редакцию
10.09.2011